

Убийство в бухте ангелов

Автор:

[Ольга Коле](#)

Убийство в бухте ангелов

Ольга Коле

В жизни Ирэн Дюпри есть старая машина-развалюха, питомец по кличке Шерстка и бесконечные списки французских вилл, которые она пытается продать богатым, чтобы накопить деньги на собственное жилье. Но внезапно маленький городок шокирует новость об убийстве. На плече жертвы обнаруживают символ, который серийный маньяк оставлял на телах своих жертв несколько лет назад. Однако... он давно сидит в тюрьме. А местные жандармы хотят закрыть дело побыстрее, обвинив первого же подозреваемого – Ирэн. Девушке придется погрузиться в тайны убитой и по кусочкам восстановить последние события ее жизни. Пристрастие к насилию. Связь с мафией. Невообразимое число сексуальных партнеров, и деньги, которые пропали без следа. Но это только часть правды. Ведь в тихом французском городке у каждого есть повод для убийства.

Ольга Коле

Убийство в бухте ангелов

Часть 1

Глава 1

Сев в свою ярко-желтую машину, он увидел крошечное бурое пятнышко на приборной доске и машинально стер его пальцем. Пребывание на пляже среди десятка красивых тел, прикрытых лишь крошечными лоскутками, заставило его поехать вглубь города в квартал с проститутками. Сегодня он выбрал себе двух азиаток-близняшек. Имея давние дела с владельцем борделя, он мог рассчитывать на новеньких девушек, которые только что прибыли и еще не успели войти в оборот.

– Только вернешь их целыми и не битыми, да? – спросил Джамал, закуривая сигарету и не ожидая ответа.

Полчаса спустя в огромной спальне, на полу, на мягком пушистом ковре у камина сёстры Ваан, что означает «сладкая», и Нгам, что значит «доброе сердце», удовлетворяли довольно неожиданные предпочтения своего господина. Они видели его раньше и знали, что он был важным человеком, потому что никто не мог разговаривать так запросто с их хозяином Джамалом. Поэтому, чтобы не разозлить хозяина, они решили проявить особое рвение, страсть и терпение.

Девушки только что прибыли из Таиланда. В родной деревне их ждали голод, нищета и тяжелый труд на полях. Часто по улицам ездили вербовщики, которые предлагали родителям выкупить их детей за пятнадцать долларов, тем самым освободив от лишнего рта. Ваан и Нгам только чудом избежали подобной участи, но нищета, царившая вокруг, заставляла искать другие решения. Услышав об огромных заработках здесь, в Европе, они решили, что, работая всего год, смогут вернуться и, забыв позорное прошлое, начать все сначала, но уже имея огромные деньги. Они смогут открыть магазинчик, или ресторанчик в туристическом районе, или массажный салон, то есть купить себе путевку в новую жизнь. Нужно потерпеть всего год.

Неожиданно Нгам почувствовала боль. Сильные пальцы, которые сначала осторожно, играючи, сжимали ее шею, теперь все сильнее сдавливали ее горло. Твердо решив вытерпеть все, что бы сегодня с ней ни происходило, она подумала, что будет играть с господином в эту игру, не выдавая отсутствие опыта в подобных делах. Но увидев его глаза, наполненные безумным блеском ярости, возбуждения и удовольствия одновременно, она поняла, что он хочет ее задушить.

«Он безумен. Он сумасшедший», – промелькнула мысль в голове Нгам. В ушах начало звенеть, комната поплыла у нее перед глазами, и только жестокие глаза с особым наслаждением продолжали на нее смотреть, пальцы – душить, а тело – совершать ритмичные движения. Уже почти теряя сознание, она перевела последний взгляд на сестру. Ваан тоже ждала, что сейчас, в этот самый миг, он уберет пальцы с шеи сестры и все это снова превратится в странную дикую игру. Однако, видя, что этого не происходит, она воинственно закричала и набросилась на его руку, кусая ее изо всех сил.

Мужчина лишь слегка поморщился, улыбнулся жалкой попытке его остановить и отшвырнул набросившуюся на него юную проститутку. Шея Нгам была свободна, и она сделала глубокий вдох, но одновременно страшный хруст черепной кости раздался там, где стоял мраморный камин, и мягкий ковер начал пропитываться чем-то липким. Нгам, моментально догадавшись, что произошло с сестрой, в ужасе закричала и изо всех сил попыталась вырваться из-под стального тренированного тела.

– Давай, детка, покричи немного для меня. Мы же не будем прерывать веселье из-за такого досадного случая, верно? – со смехом прошептал он ей прямо на ухо, жарко целуя его своими горячими губами. – Придется тебе отдуваться за двоих, раз так вышло. Ты же не против?

Через несколько часов Нгам все еще лежала на ковре. Голая, с запутанными волосами, с размазанной косметикой, в полузабытье и отупевшая от боли, она услышала телефонный звонок.

– Да, – ответил мужчина, подняв трубку. – Посылку забрать? Могу. Сейчас?

Голос в трубке что-то ответил.

– Сколько?

Голос в трубке снова прожужжал невнятными звуками.

– У меня сегодня своих две, но если покомпактнее уложить, то думаю, влезет. Через час буду.

Мужчина положил трубку, подошел к Нгам, сел перед ней на корточки и внимательно посмотрел на нее, как бы решая, что делать дальше. Сейчас, когда возбуждение и безумие ушли, в его глазах остался только холод.

– Я не рассказать, – с трудом ворочая языком, еле слышно сказала Нгам. – Я не рассказать.

Через полчаса он уже ехал за рулем в машине с фальшивыми номерами, в кепке и красной клетчатой рубашке за двумя другими «посылками». Надо сделать еще один звонок.

– Джамал, брат! Девчонки вышли из игры. Так получилось.

В трубке телефона на другом конце раздался безудержный пьяный смех. Мужчина продолжил:

– Запиши на мой счет, ладно? Буду должен, брат.

Глава 2

– Глупая шлюха! – взвизгнула женщина, выплеснула стакан воды на Ирэн и вылетела из офиса, с силой хлопнув дверью. Достала из сумочки длинную тонкую сигарету, закурила и стала прислушиваться к голосам тех, кто остался внутри.

– Ничего личного, да? Без обид? – спросил мистер Рич у Ирэн. – Я уже готов был заключить сделку, но Памела... Видите, она немного ревнивая. Не обижайтесь. Вот, возьмите еще салфетку, – тараторил он, чувствуя неловкость из-за поведения своей жены. – Следующий объект я обязательно куплю у вас. Приеду без Пэм, и мы все спокойно оформим.

– Без меня приедешь? Да ты кобелина! – Памела снова ворвалась в офис, еще более злая, чем минуту назад. – Уже вытерлась? Вот тебе еще! – Она подняла горящую зажигалку к системе пожаротушения, и секунду спустя оросители во всем офисе начали выплевывать струи воды.

Так начался день Ирэн Дюпри.

Два часа спустя воду с пола собрали, промокшую бумагу и часть канцелярки отправили в мусорную корзину, а систему пожаротушения вернули в рабочее состояние. Сантехник наконец собрал инструменты и ушел.

Ирэн стояла перед узким зеркалом в туалете и смотрела на свое отражение.

«Хотя бы волосы высохли. Можно заново убрать их в пучок», – подумала она. Для непредвиденных случаев у Ирэн всегда имелись в офисе чистая блузка, пара чулок и запасные туфли, так что скоро она снова выглядела безупречно. В зеркале она видела спокойную, элегантно одетую женщину. И эта разница – между тем, как она выглядела и что чувствовала, – заставила ее глаза наполниться слезами.

«Как же мне это все надоело!» – подумала Ирэн. Она была не из тех, кто любит поплакать из-за ерунды, но последние месяцы работала почти без выходных. Накопившаяся усталость, постоянный недосып и обязательная в ее работе дежурная улыбка сделали свое дело – она схватила фарфоровую мыльницу и с силой бросила на пол. Осколки разлетелись во все стороны, но облегчения это не принесло, и она разревелась, как ребенок.

«Нужно просто не обращать на таких клиентов внимания. Хамки, глупцы и придурки никогда не переведутся, нужно быть выше этого, – успокаивала себя Ирэн. – Ну вот, теперь у меня будут красные глаза и огромный нос. Отличный сотрудник! Оторвут с руками и ногами».

До собеседования оставалось всего полчаса, поэтому стоило поторопиться. Если она поедет достаточно быстро, то еще может успеть. Уверенно ведя машину вдоль лазурного моря, мимо зеленых пальм и кипарисов, Ирэн обдумывала случившееся. Дурацкий утренний спектакль произошел с ней только потому, что жене клиента, молодой Памеле Рич, показалось, что ее муж флиртует.

Богатые, но плохо воспитанные клиенты не были чем-то необычным в ее работе риелтора. Выбирая себе виллу стоимостью в несколько десятков миллионов, они ждали особого отношения. А молодые жены этих клиентов относились к особой категории совершенно непредсказуемых дам. Некоторые из них только вчера

попали в красивую жизнь, причем явно с самых низов. Они еще не научились даже элементарным правилам приличия. Выросшие на реалити-шоу и сториз, они никогда не читали классику и вообще книг, а некоторые так никогда и не получили образование. Но у них были сумки стоимостью с маленькую машину, и они чувствовали себя хозяйками мира. Как минимум своего мира, который им удалось построить. И именно поэтому каждая прилично одетая женщина, которая общается дольше трех минут с их мужьями, уже представляется им угрозой для благополучия. Но после собеседования все изменится! «Кто бы мог подумать, что вместо свиной, которые были мне уготованы с рождения, я буду заниматься наукой!»

Вдруг машина впереди Ирэн внезапно остановилась, и ей пришлось резко затормозить. Всего сантиметр – и она бы влетела в чей-то бампер. «Повезло», – подумала она и в этот момент услышала громкий хлопок собственного лопнувшего бампера. Водитель сзади не смог так же быстро, как она, среагировать и въехал в нее.

– Да что ж за день такой дурацкий! – воскликнула Ирэн и вышла из машины, чтобы оценить масштаб бедствия.

– Сеньора, я сожалею, наверное, я отвлекся, – обратился к ней, широко улыбаясь, симпатичный парень.

– Ну вообще-то, вам следовало бы соблюдать дистанцию, – ответила Ирэн, глядя на часы.

– Давайте я оплачу стоимость ремонта, и разъедемся. Стоять на такой жаре и ждать дорожную полицию – не лучший вариант, – предложил он. Его машина была с итальянскими номерами, и, находясь на территории Франции, он явно хотел разойтись мирно и быстро.

Ирэн заколебалась. С одной стороны, опоздать на собеседование ей не хотелось, с другой, при аварии надо вызывать дорожную полицию.

– Нет, давайте все же вызовем полицейских.

– Да у вас же почти нет повреждений! Замена бампера на вашей машине обойдется в триста евро. Или даже двести. Она у вас не самая новая. Я могу вам

дать четыреста, и поедем по своим делам.

Меж тем узкая полоса дороги начала заполняться автомобилями, создавая пробку.

– Нет, извините, я все же вызываю полицию. Пусть они оформят протокол аварии.

– Отлично! Похоже, вам совсем нечем заняться! Лично меня дома ждет моя невеста. А вас? Видимо, никто и нигде?

Ирэн пропустила мимо ушей обидные слова и, сев в машину, принялась ждать приезда полицейских. Сзади них уже образовалась огромная пробка, и другим автомобилям приходилось медленно объезжать участников аварии по встречной полосе. Обиженный итальянец оказался очень разговорчивым – хоть он и был виновником произошедшего, но вел себя так, словно это он пострадал. Всем, кто медленно и аккуратно объезжал их по встречке, он умудрялся прямо на ходу, в открытое окно, одной – двумя фразами эмоционально рассказывать о том, как упряма вторая участница аварии и что именно из-за нее все теперь стоят в пробке. Делал он это красноречиво, активно жестикулировал и вызывал больше сочувствия, чем она, Ирэн, которая на самом деле была пострадавшей стороной. Каждый второй автомобилист или громко сигналил, глядя прямо на нее, или кидал неодобрительные и осуждающие взгляды.

– Что? Это не я виновата! Не я! – сначала пыталась ответить Ирэн, но затем оставила эту затею.

Через два часа она подъехала к воротам университета. Если бы она не опоздала на собеседование, то была бы третьим в очереди кандидатом. Но оказалась девятой по счету претенденткой, и, судя по тому, как формально с ней разговаривали, сотрудника уже выбрали.

«Ладно, это просто не мой день, – успокаивала себя Ирэн. – Все равно рано или поздно они предложат мне место».

Ирэн мечтала попасть на работу в университет маленького городка Сен-Карно. С тех пор как переехала сюда, она работала временно риелтором и искала работу по специальности. Это «временно» затянулось на три года. С работой во

Франции сложно, поскольку везде все решают профсоюзы. Работники чувствуют себя свободно и уверенно, потому что их права защищены. Уволить кого-либо практически невозможно: нужно будет заплатить огромные отступные, а потом еще, скорее всего, на компанию подадут в суд за незаконное увольнение. А с поддержкой профсоюза и коллективными исками присоединившихся коллег ее и вовсе разорят. Поэтому вакансии появляются крайне редко – если кто-то уходит на пенсию или умирает. Из-за этого новых сотрудников подбирают из десятка кандидатов, очень придирчиво, словно в разведку. Самыми подходящими, конечно, оказываются в первую очередь французы, а не иммигранты из других стран.

Приехав во Францию, Ирэн начала действовать согласно плану. Сначала она устроилась на ту работу, которую было легче найти. Сделки с недвижимостью здесь совершались постоянно: кто-то хотел перебраться поближе к солнцу и мягкому климату, кто-то мечтал иметь роскошную виллу на юге Франции, а кто-то инвестировал свободные деньги. Но реальность ее рабочих будней оказалась несколько иной, чем она себе представляла. Риелторов часто обманывали, чтобы сэкономить на комиссии. Положенные три процента с каждой сделки приходилось делить на двух или трех риэлторов. Но самыми неприятными были клиенты, которые хотели только поездить и посмотреть, но не купить. Они отнимали много дней и даже недель времени риэлтора, из-за них приходилось тратиться на дорогой бензин, и в итоге, сделки у риэлтора совершались не чаще, чем раз в три-шесть месяцев.

Но все же, работая больше всех коллег вместе взятых, отказывая себе в самом необходимом, за три года Ирэн смогла заработать на первый взнос за собственный дом. А значит, пора двигаться вперед и заняться тем, чем она действительно хотела, – наукой. Это был второй пункт ее плана. И только потом, обретя свой дом и престижную работу, она стала бы завидной невестой, достойной хорошего мужчины.

Ее размышления по поводу неудавшегося собеседования прервал звонок.

– Ирэн, дорогая, ты не могла бы захватить Мари по дороге? Кажется, ее сын опять где-то застрял, а сама она все еще боится садиться за руль.

«Ого! Это отличная новость! Меня первый раз просят об услуге, неужели они приняли меня в свои ряды?» – подумала Ирэн.

– Да, конечно, заеду. Без проблем.

– Ну вот и славно, будем вас ждать.

На вечер у Ирэн было запланировано еще одно важное мероприятие – собрание членов книжного клуба города. Основательницей клуба была супруга мэра, а все его члены – ее подруги, местные сливки общества. На собраниях обсуждались не столько книги, сколько сплетни, а также, как это бывает в небольших городках, вершились судьбы некоторых его обитателей. Например, именно здесь за бокалом сухого вина решалось, какие обличающие статьи будут напечатаны в единственном глянцево-м журнале и некоторых местных газетах. Здесь же решалось, в каком контексте подать интервью с тем или иным политиком или предпринимателем: показать его героем или же жадным хапугой. Самые крупные заказы на все возможные услуги или поставки также распределялись здесь, в перерыве между бокалом вина и чашечкой кофе. Здесь было сообщество, которое активно поддерживало своих, и каждый, в том числе Ирэн, хотел стать его частью.

«То, что они попросили меня об услуге, – явно хороший знак, – рассуждала она. – Если я в дороге подружусь с Мари, это увеличит мои шансы на вступление. Лишняя поддержка не помешает. Особенно если ты не француженка, не так богата, как они, и сильно младше всех других мадам. И уж тем более если в кандидаты ты попала случайно».

Ирэн заехала за Мари, состоятельной дамой лет пятидесяти.

– Мари, прекрасно выглядите! Готовы ехать? – широко улыбаясь, спросила она.

– Добрый вечер. Нам лучше поторопиться, а то начнут без нас, – буркнула Мари и села на заднее сиденье, словно за ней приехал водитель такси. – Это что-то вроде ретро-автомобиля?

«Нет, похоже, Мари будет последней, кто поддержит меня на голосовании», – подумала Ирэн, но все же попыталась поддержать разговор, не обращая внимания на высокомерие своей пассажирки.

Наконец они подъехали к дому хозяйки – супруги мэра. Такие дома обычно назывались шато – меньше замка в классическом понимании, но значительно

больше обычного загородного дома. Зеленый газон расстился минимум на целый гектар, что было здесь особенным шиком, учитывая невыносимую жару: чтобы трава не выжигалась под палящим солнцем, требовались огромные затраты на полив. Еще здесь росли кипарисы, источающие сильный хвойный аромат, величественные черные пихты и, конечно, обязательные для этих мест оливковые деревья и лавандовые кусты.

Ирэн и все еще неприступная Мари прошли по дорожке вглубь сада и присоединились к другим гостям на открытой террасе. Все уже разошлось по маленьким группкам. Кто-то пил вино, непринужденно беседуя с другими гостями, кто-то еле скрывал зевоту, ожидая начала ужина, а кто-то, как Ирэн, улыбался и старался выгладеть своим среди этих сильных, могущественных дам.

Наконец подошло время ужина. Ирэн заняла свое место согласно карточке на столе и почувствовала себя неловко. Приборов справа и слева от тарелки сегодня было значительно больше, чем она видела ранее. И значительно больше, чем показывали на курсах этикета. «Буду внимательно смотреть, что делают другие, и повторять за ними».

Ужин подходил к концу, местные сплетни были обмусолены до мельчайших подробностей, и вдруг кто-то вспомнил о книгах.

– Ирэн, дорогая, что вы скажете по поводу «Озера исступления»? Вы читали?

Ирэн не читала, но решила не показывать свою уязвимость, а потому осторожно ответила:

– Очень сильная книга. Неожиданный финал.

Женщина, задавшая ей вопрос, высокомерно рассмеялась:

– Он завоевал ее, и они поженились! Действительно, очень сильный финал, – сыронизировала она. – Если бульварный роман кажется вам сильной книгой, стоит воспитывать вкус, моя дорогая.

«Вот сучка», – подумала Ирэн, но в ответ лишь улыбнулась.

К счастью, в этот момент гостям предложили кофе с маленькими шоколадными десертами, которые называются здесь *safe gourmand*, и к промаху Ирэн никто не проявил интереса.

Глава 3

Свой пикап он любил больше других машин. Желтые и красные спорткары были роскошными, но всего лишь вынужденными атрибутами той жизни, которую он выбрал много лет назад. Чтобы вести дела на уровне, который был для него привычным, ему приходилось пускать пыль в глаза. Неприлично дорогие часы с крошечными золотыми жакемарами, которых создали всего тридцать четыре штуки во всем мире, – для встречи с главарями картелей. Безупречный образ в стиле *casual* – для встреч с лидерами профсоюзов, главами муниципалитета и бизнесменами средней руки. Легкая белая льняная рубашка в сочетании с его загаром идеально подходит для randevu с девицами. А для таких дел, как сегодня ночью, идеальный выбор – это фермерская клетчатая рубаха и кепка, надвинутая на глаза. Машину для таких вылазок он приобрел уже давно – небольшой фермерский фургон, оборудованный холодильником. Менялись только номера – одни фальшивые на другие.

В багажнике лежало несколько тел, от которых нужно было избавиться. Его босс позвонил ночью, как обычно, неожиданно, и велел забрать очередную «посылку». Обычно он поручал это своим прихвостням, но если позвонил ему лично, значит, все должно быть сделано очень чисто. Если поторопиться, то с этим не должно возникнуть никаких проблем. От шефа он выехал еще темной ночью, но надо было успеть доехать до места назначения, пока не наступило утро.

Можно ехать по трассе. Это быстрее, но там больше камер и значительно больше полицейских. Можно ехать по той дороге, что ближе всего к морю, – она тоже небольшая, полицейских там почти не бывает, но камер больше, а чертовы туристы не спят всю ночь, и вероятность быть замеченным намного больше. Остается дорога, которая проходит над трассой, выше в горах. Она петляет, более длинная, временами превращается в серпантин, но там почти отсутствуют камеры и почти наверняка нет дорожной полиции. Единственное, кого там можно встретить, – дикую козу, выбежавшую на дорогу.

Почти сто пятьдесят километров были позади, глаза начинали слипаться, но энергетик, который он выпил накануне, все еще позволял ему уверенно вести машину. Справа и слева от дороги проносились холмы, фермы и небольшие редкие домики. Он почти приехал.

Неожиданно сзади завывала сирена полицейской машины. Он увидел мигающие синие огни, а голос из рупора приказал остановиться. Через минуту подошел полицейский.

– Месье, вы превысили вашу скорость на территории заповедника. Покажите, пожалуйста, ваши документы.

– Ох, да! Совсем забыл. Заповедник же! Сколько езжу, а все никак не привыкну, – сказал он добродушным тоном местного фермера.

– Куда вы направляетесь? – спросил патрульный, светя фонариком внутрь салона.

Водитель нащупал в кармане куртки рукоятку пистолета, а указательный палец осторожно лег на спусковой крючок. В случае необходимости действовать нужно будет мгновенно.

– В мясную лавку в Сен-Воклюз. Я всегда привожу им свежее мясо рано утром.

Патрульный посветил фонариком внутрь салона, но, не увидев ничего подозрительного, попросил водителя открыть задние дверцы фургона.

Застрелить будет шумно и грязно. Можно накинуть ему на шею проволоку и задушить. Или зарезать. Или просто сломать шею. «Быстрее и проще сломать шею», – оценил ситуацию водитель и сказал:

– Пойдемте. Открою, конечно. Ну надо же, опять забыл про заповедник! Память уже совсем не та, – ворчал мужчина, ежесекундно оценивая обстановку.

Патрульный обошел фургон, открыл двери, посмотрел на аккуратно уложенные холщовые мешки, подтекающую из них кровь и произнес:

– Я должен выписать вам штраф за превышение скорости. Пожалуйста, оставайтесь в своей машине.

Выписав штраф, полицейский уехал так же быстро, как и появился на дороге, не подозревая, что был на волосок от смерти. А фермерский грузовик продолжил ехать, везя свой страшный груз.

Наконец он подъехал к воротам аббатства. Построенное в XV веке, оно величественно возвышалось среди зеленых холмов и лавандовых полей. В аббатстве жили около двадцати монахов-цистерцианцев католического монашеского ордена. Они вели довольно уединенный образ жизни, если не считать проведение экскурсий и продажу лавандового масла. Все полученные деньги направлялись на поддержание здания аббатства в надлежащем состоянии.

– Чет седня долго, – ворчал Лоренс, – и чет многовато для одного раза, – добавил он, открыв фургончик.

Идея отвозить «посылки» в склепы при аббатстве появилась несколько лет назад и с тех пор неоднократно доказывала свою эффективность. Днем в этом старинном месте было много туристов, которые фотографировались на фоне бесконечных лавандовых полей, устраивали пикники и катались на велосипедах. Старинный дух и исключительная природа привлекали сюда толпы людей. Интересовало их и кладбище позади основных строений – там уже больше ста лет не хоронили, и теперь оно больше напоминало ухоженный красивый парк с бесчисленными рядами белоснежных статуй. Были и склепы.

Именно в одном из таких склепов Лоренс обнаружил длинный туннель, ведущий не к аббатству, как ему сначала показалось, а в сторону от него. И вел он далеко за пределы территории. За долгое время существования его использовали в самых разных целях, и, судя по архивам, в одно время там прятали евреев и партизан. Теперь же про него все забыли.

Туннель пах сыростью, плесенью и мышами, но обилие комнат, имеющих двери и закрывающихся на засовы, давало массу возможностей для использования. О своей находке Лоренс не спешил сообщать братьям-монахам, решив оставить этот секрет для себя, и придумал способ соблюдать осторожность. Чтобы не быть пойманным, в ночь, когда привозили «посылки», он добавлял в вечернюю

трапезу дозу снотворного, чтобы все служители погрузились в крепкий сон. Однажды он не рассчитал дозу, и один старый монах утром не проснулся, а все другие мучились сильной головной болью. Однако отец-настоятель лишь отправил всех усерднее молиться. С тех пор Лоренс стал осторожнее.

– Давай оттащим все внутрь, пока не рассвело, а я потом сам все разнесу куда надо, – сказал Лоренс своему гостю. – За такое количество мешков я попрошу двойную цену. И за прошлый раз тоже. Одно дело – свежее, а другое дело – несколько дней пролежал. Вы только уехали, а трупешник разорвался. Прямо все разлетелось, пришлось убирать, – имбецильно заржал Лоренс.

Лоренс был молодым человеком лет двадцати, которого когда-то подбросили сюда же, к воротам, в небольшой корзине. Роды пошли не по плану – ребенок родился с большим трудом и весь синий. Мать была уверена, что он не жилец, и даже не стала его кормить – все равно до утра он не доживет. Но упрямый синерозовый комок плоти никак не хотел умирать. Напротив, он громко кричал и требовал еды. Тогда она и подбросила его к воротам аббатства.

Мальчик рос странным, обращенным в себя и мало интересующимся людьми вокруг: не отвечал на улыбку, не гулил, как все другие дети его возраста, а когда пришло время заговорить, говорить тоже не хотел. Все служители считали его дурачком и приучали к труду, чтобы он хоть как-то был полезен. Лоренс вырос хилым, тощим и, несомненно, ущербным в моральном смысле. Но он не был дурачком.

Получив свою двойную оплату и закрыв ворота за грузовиком, он снова отправился в склеп. Ему надо было отнести мешки в другую комнату, переупаковать содержимое в бочки и засыпать негашеной известью. Достать ее было легко, поскольку ею здесь часто засыпали трупы сбитых на дороге животных, чтобы те не разлагались на жаре.

И вдруг он заметил то, чего не могло быть: один из мешков начал шевелиться. Подняв с земли увесистый камень и сжав его покрепче, Лоренс решил нанести удар, но любопытство взяло верх. Он, все так же держа камень наготове, размотал мешок и увидел там голое существо с длинными черными волосами. И существо было живым. Бледным, трясущимся от холода, с синими губами и сильными кровоподтеками, но живым.

Глава 4

Высокий и крепкий мужчина, лежавший на шезлонге, внимательно изучал двух молодых женщин. Его тело было расслаблено, на лице играла небрежная улыбка, однако его мысли стремительно сменяли одна другую. Одна из женщин представляла для него особый интерес. Он уже изучил ее привычный распорядок жизни. Осталось только решить – когда.

– Катрин, ты лишишь парня сна! Он глаз не сводит, смотри! – заметила Ирэн. – Сейчас пойдет к тебе знакомиться.

Подруги Катрин Нуар и Ирэн Дюпри лежали на шезлонгах у бассейна в тот самый предзакатный час, когда солнце освещает все вокруг золотым светом. Это был один из лучших пляжей Сен-Карно: белые шезлонги, бело-синие полосатые зонтики и деревянные дорожки, ведущие прямо к морю. Вечернее солнце уже не обжигало, воздух остывал, и город после знойного дня оживал на глазах.

– Мадам, желаете что-то выпить? – Неслышно появился официант с картой вин.

– Да, принесите пожалуйста, бутылочку Ch?teauneuf-du-Pape две тысячи первого года, – велела Катрин.

– Катрин! – возмутилась Ирэн. – С чего бы это?

– Ирэн, живем один раз. Мы и так редко куда-то выходим, все на бегу, между делом. К тому же я скоро уезжаю. Видишь, куча поводов! Не жадничай.

Но Ирэн упрямо смотрела на подругу, всем видом давая понять, что идею не поддерживает.

– Ну Ирэн! Не упрямясь. Не хочу лежать на лучшем пляже города и пить какое-то пойло.

– Мне, пожалуйста, воды с газом и отдельно лимон, – сказала Ирэн, обращаясь к официанту.

– Ой, ты ужасная зануда! – отозвалась Катрин и заказала себе обычный коктейль.

Мужчина на шезлонге продолжал на нее смотреть, и она на всякий случай ослепительно ему улыбнулась.

– Ирэн, тебе нужно расслабиться. Хочешь, расскажу кое-что? Вот послушай. Есть две женщины, обеим по сорок пять. Одна свято верит, что лучшее у нее уже позади, впереди только старость, сад и дряхлость. Ждет внуков, наращивает целлюлит и копит деньги на черный день.

– Это типа я? – уточнила Ирэн.

– Ну нет! Тебе же не сорок пять! Послушай дальше. А вторая, ее ровесница, встречается с молодым мужчиной, ходит на сальсу и наконец позволяет себе жить полной жизнью.

– Это типа ты, – опять перебила Ирэн, но Катрин продолжила:

– И при этом вторая уверена, что все лучшее впереди. И знаешь что? Обе правы! Первую ждет дряхлость, а вторую – приключения и счастье. Почему? Потому что каждая получит то, чего ожидает. Ведь жизнь очень изобильна!

– Вот ты хитрюга! Это не твой пример. Это сегодня выложила в сториз та женщина-психолог. Я тоже на нее подписана, ты забыла? – засмеялась Ирэн.

Катрин Нуар была эффектной молодой женщиной. Ее темные волосы, почти всегда распущенные, ложились на нежные загорелые плечи легкими волнами. Карие глаза на маленьком личике привлекали внимание необычным зеленоватым оттенком. Длинные ресницы и всегда накрашенные губы дополняли образ красоты и неизменно вызывали внимание у мужчин и чувство соперничества у женщин.

Однако, несмотря на яркую внешность, во всем остальном Катрин была совершенно обычной, так что мужчины, заинтересовавшись ею, довольно быстро теряли интерес. Самые долгие отношения Катрин длились не больше месяца. А по прошествии четырех недель даже самые, казалось, серьезно настроенные

мужчины исчезали из ее жизни под самыми разными предложениями.

Впрочем, совсем скоро в жизни Катрин должны были произойти серьезные изменения. Она решилась на важный шаг – переезд в Париж. На Лазурном Берегу, как ей думалось, невозможно ничем заниматься всерьез – ни отношениями, ни карьерой.

– Ирэн, тебе тоже не мешает сходить к этой психологине. Сколько лет у тебя не было отношений? С тех пор, как ты рассталась с Александром?

– Что-то мне не хочется об этом говорить.

– Ты же не старая дева, но имеешь все шансы ею стать. Когда ты наконец подкатишь к своему профессору? Смотри, он долго ждать не будет. Кто-нибудь более бойкий и смелый возьмет его в оборот.

– Я не собираюсь к нему подкатывать и не собираюсь брать его в оборот. Я очень скоро появлюсь в его жизни и...

– ...и сведу его с ума своими научными познаниями, – перебила ее Катрин. – Ирэн, ты серьезно? Он мужчина. Последнее, что ему нужно, – это твой мозг. Оденься пособлазнительнее – и готово!

– Он ученый. И мой мозг он точно оценит. Он скорее вступит в отношения с женщиной из своего круга, чем с риелтором. Риелторов все воспринимают как обслуживающий персонал. Сейчас я для него как сантехник. Не его поля ягода.

Катрин закатила глаза и покрутила пальцем по виску, давая понять подруге, что та слегка ку-ку.

– Ирэн, эти твои бабки из книжного клуба заморочили тебе голову. Только они воспринимают всех, кто не родился в семье потомственных аристократов, ниже себя. Все остальные уже знают, что крепостное право отменили, и каждого оценивают по его достижениям.

Но Ирэн не сдавалась:

– Вот достижениями я как раз похвастаться не могу.

– Ирэн, ты совсем больная? Он мужчина. Пришла, увидела, соблазнила.

– Фу-у! Это не мой способ. И вообще, сейчас не время. Не хочу даже начинать отношения, где я заведомо ниже него по статусу. А что еще хуже, я пока бомж, забыла?

– О да, Ирэн, ты, конечно, бомж. Тут половина Лазурки тогда бомжи – все арендуют жилье, яхты и машины. И все бомжи. Смотри – вон проехал бомж на «мазератти».

Официант подошел и принес им напитки.

– Вы шутите? Пластиковая трубочка??? Минута в стакане, триста лет в океане! Принесите бумажную трубочку, вы что?!

Ирэн возмутилась, отправила официанта за экологически безопасной трубочкой и продолжила:

– Катрин, брось! Ты же поняла, что я имею в виду. Мне нужен свой дом. Я не хочу, чтобы меня подобрали, как дворняжку, с улицы, а потом, после развода, выкинули обратно.

– Слушай, ты давным-давно уехала из своей деревни, а ведешь себя так, словно все еще там. Тебе нужно к психологу, я серьезно.

– Это была не деревня, а поселок городского типа, – поправила Ирэн.

– Не важно. Посмотри, как все поменялось в жизни: когда мы с тобой познакомились, я была богатой, а ты из поселка городского типа, – подчеркнула Катрин, – а теперь все изменилось. Мой папа разорился, я бедна и прошу у тебя денег в долг. А ты, наоборот, встала на ноги и покупаешь свой дом.

Ирэн выглянула из-под шляпы и удивленно посмотрела на Катрин.

– Денег в долг?

- О, я как раз хотела об этом поговорить. Сестренка, умоляю, выручи меня в последний раз. Пожа-а-алуйста!

- Катрин, я никак не могу. Seriously. Мне нужно вносить деньги за дом, они мне самой понадобятся. А сколько ты хочешь?

Когда Катрин назвала сумму, Ирэн поперхнулась водой и сильно закашлялась.

- Ты шутишь? - просипела она, все еще пытаясь откашляться.

- Нет-нет, это не то, что ты думаешь. Это всего на два дня, я их сразу верну. Мне просто нужно для новой работы показать свою благонадежность. Я положу их на счет в банке, возьму выписку о состоянии счета и сразу же тебе верну.

- Зачем?

- Я буду работать с дорогими предметами искусства, а они не хотят брать на работу тех, у кого за душой нет ни гроша, - слишком велик соблазн что-то украсть.

- Катрин, не знаю. Сумма просто огромная. Целое состояние. На кону стоит мой дом. Это все, что у меня есть.

- Ну да, и профессор Ансельм, конечно.

- Не только из-за него, - смутилась Ирэн. - Я сэкономила на всем, чтобы поскорее накопить. Бралась за сделки даже с мизерными комиссиями. И уж, конечно, я не пила Ch?teauneuf-du-Pape. Я даже машину купила сама знаешь какую, лишь бы только она ездила.

- Да, машина у тебя ужасная, - подтвердила Катрин. - Надеюсь, ты не ездила на ней на собеседование? В следующий раз бери мою, у тебя же есть ключи.

- Я взяла твои ключи только на случай, если ты потеряешь свои. А не чтобы пускать всем пыль в глаза. Нужно быть, а не казаться.

– Ирэн, я знаю. Все знаю. Но мне правда очень-очень надо. Я бы попросила у мамы, но у нее нет свободных денег – ей придется что-то продать, а это долго. Я тебе все отдам. Ты же знаешь, я всегда отдаю. И это всего на пару дней. Ну пожалуйста, сестренка!

Ирэн колебалась. Противостоять обаянию Катрин было сложно, и все аргументы казались вполне убедительными, но сумма внушала опасения. Если что-то пойдет не так, она потеряет все, ради чего столько трудилась. С другой стороны, что может пойти не так? Если это всего на пару дней, то риска почти никакого. К тому же не стоит забывать, что она многим обязана Катрин и ее семье.

Когда они только познакомились, Ирэн, тогда еще Ирэна, была диковатой девчонкой из глубинки и сама пробивалась в люди. Необычное имя ей дала мама, обожавшая сериалы. В деревне над Ирэной часто насмехались и спрашивали: «Где твой Хуан Антонио?» Но с годами сериал забылся, и дразнить ее перестали. К моменту знакомства с Катрин Ирэна уже многого добилась сама – переехала в столицу и поступила учиться в университет. И Катрин, тогда еще просто Катя, которая сначала воспринимала ее только как однокурсницу, у которой можно списать, со временем стала ее самой близкой подругой. Несмотря на разное происхождение, у них оказалось много общего. У обеих – пьющие отцы и холодные, неспособные проявлять ласку матери. Ирэна помогала Кате сдавать сессию, а та взяла деревенскую девчонку под свое крыло и научила вести себя в высшем обществе и на приемах, которые постоянно устраивала Катина мать.

– Ну пожалуйста! – снова повторила Катрин. – Ты же и сама мечтаешь пройти собеседование. Ты должна понимать меня, как никто другой.

– Катя, тебя мотает, как свинью на поводке, ты неисправима! – вздохнула Ирэн, но в конце концов сдалась: – Ладно, я завтра сниму деньги и дам тебе. Но только на пару дней!

– Ура! Спасибо! Ты самая лучшая на свете! – Подруга вскочила и крепко ее обняла, а потом строго добавила: – Но все-таки перестань называть меня Катей! Я – Катрин! А ты – Ирэн. И скоро у каждой из нас начнется совсем другая жизнь.

В отличие от своей подруги, Ирэн Дюпри не была красавицей. Как раз наоборот, ее внешность была самой обыкновенной: незапоминающейся, неяркой и неинтересной. Умело используя косметику, она могла показаться симпатичной, но не более того. Светлые волосы и серо-голубые глаза – вот и все ее достояние. Одевалась она обычно в деловую блузку, удобные брюки и туфли. Такой наряд имеет преимущество: когда бы ни позвонил неожиданный клиент, она всегда может сорваться на показ, будучи уверенной, что выгладит по-деловому. Единственным отличительным знаком была ее татуировка. Хрупкая изящная Сейлор Мун красовалась на руке, напоминая о том, как важно быть сильной.

Раньше, много лет назад, когда ее сердце еще не покрылось толстой броней, она много улыбалась и словно светилась изнутри. Внутренняя красота и дерзкий взгляд притягивали к ней людей. Но затем случилось событие, которое все изменило. Ее любимый Александр, с которым они были вместе четыре года и который собирался сделать ей предложение, наконец познакомил ее с родителями. Его мать дала понять, что не одобряет выбор сына и что хотела бы видеть в своей семье более «породистую» невесту. Хотя Александр и сказал, что для него это ничего не значит, их отношения долго не продлились. Он не только не сделал ей предложение, но вскоре попросил отпустить его к другой. На этой другой он и женился спустя два месяца знакомства. Так что программа по обмену студентами дала Ирэне не только ценные академические знания в другой стране, но и позволила сбежать от мучительных переживаний.

– Еще раз спасибо, сестренка! – сказала Катрин.

Мужчина, которому Катрин оказывала знаки внимания, встал с шезлонга и оплатил счет из бара. А затем уверенной и неторопливой походкой отправился на парковку к своему ярко-желтому спорткару, одарив по пути широкой улыбкой обеих женщин. Через мгновение после его ухода к ним подошел официант с бутылкой Ch?teauneuf-du-Pape:

– От месье, с пожеланием доброго вечера.

– Нет, все-таки это место навсегда останется в моем сердце, – сказала Катрин. – Невозможно просто так уехать отсюда.

Если бы она знала, насколько пророческими были ее слова!

Глава 5

«Опять куда-то намылилась! – думала Анна о своей хозяйке. – Нормальная ведь девчонка, руки-ноги есть, красивая, а все ей нейдет, как говорится, слаба на передок. Если бы у меня была такая внешность, я бы давно вышла замуж, нарожала детей и каталась как сыр в масле. А этой все бы по мужикам бегать».

Сорокадвухлетняя Анна приехала на заработки в солнечный туристический город из Молдавии. За восемь лет она успела поработать у совершенно разных людей: от юных капризных содержанок до почтенных и неприлично богатых матрон, просаживающих за один вечер в казино огромные суммы. Она убирала их постели, чистила туфли, мыла за ними посуду и стирала белье. Каждый день она вытирала пыль с вещей, которые стоили больше, чем она получала за год.

Оставив двух восьмилетних сыновей-близнецов дома, она старалась отправлять все заработанные деньги на родину. Мальчики росли без нее, и больше всего она хотела дать им образование, чтобы они смогли вырваться из нищеты и прожить жизнь лучше, чем у нее и ее родителей. Кроме того, ее старому отцу постоянно требовались лекарства, и Анна считала, что ее долг – обеспечить ему теплую и сытую старость.

Несмотря на то что Анна уже примирилась со своей участью, она все же, будучи еще молодой женщиной, размышляла, почему ей так не повезло. Почему жизнь так щедро одаривает не ее, Анну, которой нужны деньги на благое дело, а каких-то глупых и безнравственных пустышек, одни наряды которых могли бы окупить годовой запас лекарств для старого отца.

«А с другой стороны, почему это она хорошая? – продолжала размышлять Анна. – Что хорошего она сделала? Живет в свое удовольствие, рисует свои картинки, ни за кого не отвечает. Работать – тоже не работает, знай себе гуляет с мужиками и кувыркается с ними, как шлюха». О последнем факте Анна точно знала, потому что стирала хозяйское белье трижды в неделю и уже научилась определять происхождение самых разных пятен.

– Анна, я не могу найти свою сумку, розовую с желтыми полосками. Мне кажется, она лежала в гардеробной. Ты куда ее не переключивала? – Катрин появилась

в комнате.

– Нет, мадам. Я не трогала. Может, вы оставили ее где-то? Я давно ее не видела.

В действительности Анна точно знала, где эта сумка, – она была у нее дома «на передержке». Так Анна называла период, когда нужно подождать, прежде чем продать вещь. У всех ее хозяек так много вещей, и по магазинам они ходят так часто, что порой просто забывают, что у них есть, что они купили и что где лежит. Поэтому Анна придумала безопасный способ дополнительного неплохого заработка: она берет вещь хозяйки и относит к себе домой. Если та через какое-то время вспомнит о пропаже, то вещь можно принести и сказать, что она нашлась. А если не вспомнит, то месяца через три украденное можно будет продать. Если делать все осторожно и не слишком жадничать, не частить, то риска почти никакого.

Больше всего Анна любит работать у старой мадам Бушар, которая живет в огромном особняке в Сен-Жан-Кап-Ферра и тратит деньги покойного мужа. Особенно любит мадам Бушар сорить деньгами в казино Монте-Карло. После того как ночью она оттуда возвращается, можно смело брать у нее из сумки любые суммы. Наутро она, лишь деланно нахмутив брови, полушутя говорит:

– Ах! Сколько же я проиграла вчера?! Надо мне уже остановиться!

А Анна спустя несколько часов делает щедрый денежный перевод на родину. Много раз она задавала себе вопрос: честно ли она поступает? Она понимала, что это непорядочно, но точно знала, что ради мальчиков и отца готова на сделку с совестью. Когда-нибудь она обязательно с этим покончит, но не сейчас. Сейчас ей слишком нужны деньги. К тому же никто ни разу ее не заподозрил в краже, поскольку она вела себя безупречно: была хорошо воспитана, всегда предельно вежлива и действительно тщательно убирала в доме. А что еще нужно от домработницы? Тщательная уборка, идеальная чистота и соблюдение дистанции в общении.

– Мадам, я закончила. Еще будут какие-то поручения? – обратилась Анна к Катрин.

– Нет, Анна, ты золото! Но все же поищи, пожалуйста, в следующий раз мою сумку. Она наверняка лежит где-то среди шарфиков.

«А нет, сегодня никуда не намылилась! Кажется, вечером она принимает гостей дома», – подумала Анна, глянув на особую сервировку стола, свечи и уже включенную романтическую музыку. Что это? Она прислушалась. Звук набирающейся ванной? Целая ванна воды! Здесь, где за воду приходится столько платить, это ужасно расточительно! Значит, точно свидание. И опять надо будет стирать и гладить гору постельного белья.

Словно в подтверждение этих мыслей, у ее хозяйки зазвонил телефон, и из разговора она поняла, какого именно гостя ждет Катрин. Анна переделалась из униформы в обычную одежду, еще раз попрощалась и пошла домой. Уже спустившись и выйдя на улицу, она увидела человека, который тоже шел к Катрин, однако, очевидно, был непрошеным гостем.

«Вот это поворот! – подумала она. – Будет либо веселый тройничок, либо громкий скандал». Пропустить такое она никак не могла, поэтому, вместо того чтобы пойти домой, перешла улицу и села за одиночный столик в ресторанчике, прямо напротив подъезда хозяйки.

Катрин в белом платье с открытыми плечами выглядела умопомрачительно. Сегодня она сама готовила ужин и сама накрывала на стол. Обычно она ненавидела это делать, но этот вечер был особенным. Он был полон обещанием нового. Начинаясь не просто другой этап жизни – для Катрин начиналась сама жизнь, легкая, красивая и интересная. Она порхала по квартире, мурлыча себе под нос нежные мотивы, и чувствовала себя победительницей.

«Надо позвонить маме, она будет так рада! Хотя нет, я позвоню ей, когда перееду. Или все-таки позвонить? Нет, лучше отправлю сообщение», – думала она. Отправив эсмэс матери, она проверила воду в ванне и посмотрела на свое отражение. Она была великолепна. Через мгновение Катрин услышала звонок в дверь и отправилась открывать.

Ирэн сидела на кухне и давилась заваренными геркулесовыми хлопьями. Они были безвкусными и склизкими, но днем она пропустила нормальный обед и съела на бегу холодный сэндвич из магазина. А значит, теперь нужно компенсировать это полезной едой, чтобы извиниться перед желудком. Стараясь не слушать вкусовые рецепторы, она убеждала себя, что полезная еда не может быть гадкой, и это просто вопрос привычки.

– Что? Ты тоже хочешь? Ты тоже проголодалась? – Ирэн обратилась к питомцу. – Ты моя хорошая. Кто у меня самый красивый? Шерстка? Шерстка самая красивая? Шерстка самая умная? Давай я тебя покормлю.

Шерстка появилась у Ирэн случайно около года назад и много для нее значила. Стремясь найти друзей среди местных жителей, она решила вступить в общество любителей рыбалки. В детстве в своем поселке она часто бегала на рыбалку с соседскими мальчишками и хранила об этих днях теплые воспоминания. Именно там, вдали от отца, на реке, в окружении умиротворяющих видов, она чувствовала себя спокойно и защищенно. Решив, что и сейчас ей будет это интересно, она отправилась на первую рыбалку с другими членами общества.

Вид живых червей в банке Ирэн не пугал, и она вела себя намного увереннее, чем другие женщины. Но ровно до того момента, как ее поплавки начал клевать. Обрадовавшись, она дернула за удочку и уже секунду спустя взяла в руки крошечную рыбешку. Малыш зацепился за крючок, и Ирэн попыталась аккуратно его вытащить. Аккуратно не получалось – из маленького рыбьего рта сочилась настоящая красная кровь, и, как бы осторожно она ни пыталась освободить беднягу, сделать это, не порвав ей рот, не получалось.

«Ну и зачем мне это? – в панике подумала она. – Что мне с этой рыбешки? Съем ее? Не съем, просто убиваю и уродую живое существо. Малыша к тому же». Она схватила ведро, набрала туда воды, бросила еще живую рыбку с крючком во рту и покончила с рыбалкой навсегда. А приехав домой, пассатижами перекусила железный крюк, освободила свою жертву и поехала за аквариумом.

«Пожалуйста, не умирай, – думала она. – Я буду о тебе заботиться, кормить и любить. Если умрешь ты, умрет и моя человечность. Какая же я гадина! Прости меня, пожалуйста».

К счастью, человечность Ирэн осталась при ней, как и выжившая рыбка. За несколько месяцев она выросла в большую, страшную серую рыбину, и потребовалось дважды менять аквариум на больший. Но для Ирэн эта рыба была любимицей и символом доброты. Она назвала ее Шерстка. Именно такое имя она хотела бы дать кошке, которую мечтала иметь. Но с такой занятостью она не решалась ее завести, поскольку не смогла бы уделять достаточно внимания и заботы животному.

Она насыпала рыбе корма, и тут раздался телефонный звонок.

– С видом на Бухту Ангелов, три спальни, бассейн и небольшой садик, – повторила Ирэн. Обычно она не работала по вечерам, но капризные клиенты привыкли, что им отвечают по телефону всегда. – Хорошо, завтра я буду в офисе и составлю подборку предложений для вас. Мы точно найдем что-то подходящее. До свидания.

Ирэн положила трубку, и телефон снова тренькнул.

– Черт, Катрин! Seriously? – выругалась Ирэн вслух, получив сообщение от подруги. – Именно в этот вечер, когда у меня ноги отваливаются после показов, ты просишь меня заскочить на минутку? И что значит «заскочить»? Ты ведь живешь на другом конце набережной, это никак не называется «заскочить». Это называется «брось все свои дела, дуй ко мне, и мне плевать, какие у тебя были планы».

Ирэн сегодня весь день показывала виллы в городке Эз, и это самый тяжелый для риелтора труд – гористая местность, и никогда нет парковки. Поэтому на каблуках приходится преодолевать огромные расстояния, прыгая, как козочка, вверх-вниз по горам. К вечеру ноги Ирэн покрылись мозолями и болели так сильно, что идти и выслушивать очередной рассказ Катрин про подлого мужика, который бросил, ей совсем не хотелось.

«А может, она заодно отдаст мне деньги? Уже пора. И к тому же она скоро уедет в Париж, – продолжала размышлять Ирэн, – я, возможно, даже буду скучать по ее выкрутасам. Глупенькая, капризная, временами ужасно наивная, но такая родная».

Ирэн опять вспомнила времена, когда только поступила в университет. Тогда она не знала ничего о жизни в приличном обществе и все знания черпала у Катрин, чей отец был все еще очень богат, хоть уже и впадал в длительные запои. Катрин получила все лучшее, а Ирэн, как ее лучшей подруге, удалось заглянуть в волшебный мир успешных людей изнутри. Благодаря Катрин она однажды приняла решение, что будет разговаривать и вести себя как человек, родившийся в культурной семье. А тот ужас, в котором она росла, просто забудет.

«Ладно, пойду. Надену удобные кеды, и пусть только попробует пошутить про мой колхозный стиль! – решила Ирэн, глядя в зеркале на свою майку с надписью *Hysterical Woman*. – Надо зайти за чем-то сладким. Немного серотонина, пусть даже из шоколада, ей сейчас не повредит».

Оставались считанные минуты до заката, все небо было залито оранжево-розовым светом, а солнце опускалось все ближе к морю. Каждые несколько минут проносились взлетающие и заходившие на посадку самолеты, и в свете уходящего дня, они казались Ирэн золотыми. «Такой это город, – подумала она. – Золотые самолеты, золотые украшения, золотые интерьеры в роскошных виллах времен Belle Epoque. И на фоне всего этого великолепия и золота нет только одного – счастья».

Она зашла в магазин и застыла перед полками с вином. Катрин, с ее вкусом, «дешевое пойло» пить не будет, но тратить кучу денег Ирэн тоже не хотела. «Можно купить вот эту бутылку розе. Розе с пузырьками всегда хорошо, – подумала Ирэн. Интересно если ей завязать глаза и налить в один бокал дорогое вино, а в другой – дешевое, она отличит?»

– Сорок евро, семнадцать центов, пожалуйста, – сказал продавец.

– Сорок евро и восемь центов, – поправила Ирэн.

– Простите?

– Сорок евро и восемь центов. Вино, шоколад и жвачка. Посчитайте еще раз: сорок евро и восемь центов.

Позади Ирэн в кассе стояло еще три человека, и кассир посмотрела на нее с явным раздражением. Дело было не в нескольких центах – просто Ирэн считала, что так правильно. Если пресекать маленькие огрехи на корню, то и больших проблем в жизни тоже можно избежать.

Наконец она дошла до дома, где жила подруга. В свое время Ирэн помогла ей найти и купить эту квартиру. Она была небольшая, но здесь имелось все, что нужно для молодой женщины. Даже маленькая гостиная с верхним светом, где Катрин могла рисовать свои картины. Возможно, если бы она не забросила это занятие, то могла бы преуспеть. Но самое главное – в квартире был чарующий вид на Бухту Ангелов, на ярко-голубую лазурную гладь воды и сказочные оранжевые закаты.

«О нет! Пятый этаж! – мысленно захныкала Ирэн. – Мои ножки, простите меня, пожалуйста».

Поднявшись на пятый этаж, она обнаружила дверь открытой, и на нее накатила волна сильной, необъяснимой тревоги.

– Катрин! – тихонько позвала она. – Катрин, ты где?

Она зашла в гостиную и увидела накрытый стол, зажженные свечи и легкий кружевной халатик, валяющийся на полу. Необъяснимый и зловещий эффект незавершенности витал в воздухе.

– Катрин, – снова позвала она и вдруг услышала шаги на кухне. – Ты меня напугала! Ты здесь?

Шаги затихли, но подруга ей не отвечала. Что-то было не так. Звенящая тишина окутала всю квартиру. Ирэн застыла и вслушалась в пустоту. На кухне точно кто-то был, но кто бы там ни прятался, теперь он явно затаился.

Ирэн огляделась в поисках любого тяжелого предмета и бесшумно взяла со стола стеклянную пепельницу. Вцепившись в нее, она сделала маленький шаг к выходу. Затем еще. Откуда-то сзади и сбоку кто-то сильно ударил ее в ухо, и она упала. А прятавшийся на кухне стремительно выскочил из квартиры.

Оказавшись на полу, Ирэн попыталась встать, но сильный удар оглушил ее, и она не смогла даже приподняться.

- Катрин! - закричала она. - Катрин!

С трудом она все же встала и, качаясь, прошла на кухню. Ее подруги там не было, и, предчувствуя самое плохое, Ирэн направилась в ванную. Ванна до краев была наполнена кроваво-красной жидкостью, а в ней в неестественной позе лежала Катрин. Ирэн подбежала и попыталась вытащить ее из воды, но, приподняв, увидела рану в груди, безжизненные глаза и в тупом онемении опустила ее обратно в воду. От шока и ужаса увиденного Ирэн замерла и так и осталась стоять.

Глава 7

Николя Фонтен с самого утра знал, что сегодня что-то произойдет. Город, в котором почти никогда ничего не случается, может развлечь полицейского только штрафами за неправильную парковку, мелкими кражами и изредка небольшими преступлениями. Чаще всего они происходят на самом краю города, где живет множество мигрантов. Но сегодня воздух был другим.

За десять лет работы в Национальной жандармерии Николя успел поработать и в портовом беспокойном Марселе, и в шумном Париже и дослужиться до звания капитана. Но затем вернулся и последние несколько лет нес службу в безмятежном Сен-Карно. Спокойная работа, небольшой взвод в подчинении и много свободного времени для хобби и семьи. Поначалу он изнемогал от отсутствия крупных дел, однако человек ко всему привыкает, и Николя со временем тоже привык к расслабленному ритму.

Однако это утро почему-то напомнило ему о старых временах. Он всегда чувствовал, когда что-то должно было произойти. Чувствовал он это, когда итальянские братья Ринальди решили расширить свой наркобизнес и над городом навис особый дух угрозы. После успешно проведенной операции Николя получил повышение, и его отправили в Париж. Затем он почувствовал то же самое, когда в Париже напал на след главарей большого картеля. В тот раз он получил три пули, потерял много крови и, несомненно, умер бы, не яви Господь в

очередной раз чудо. Николя три дня лежал в реанимации, находясь между жизнью и смертью. У его постели все три дня сидела, не переставая молиться и не отпуская его руки, жена. Его любимая Лаура. В перерывах между молитвами она шептала: «Прошу, вернись к нам. Просто открой глаза. Прошу тебя, вернись к нам». И чудо произошло. Через три дня, несмотря на отсутствие положительной динамики, когда врачи уже готовы были дать самые неутешительные прогнозы, Николя вдруг открыл глаза. Вернее, только один глаз, поскольку второй из-за сильного отека открыться не мог.

Когда он вновь обрел способность говорить, то рассказал жене, что все три дня, пока лежал в постели между жизнью и смертью, видел только один сон – как он играл с их малышкой, трехлетней дочерью, в прятки. Именно тогда Лаура сказала, что никогда больше не вынесет пережитого. И если он хочет продолжать жить с ней и дочерью, то он должен перевестись в более спокойный город и не лезть в самое пекло. Иначе она прямо сейчас отправится домой, сообщит дочери, что ее отец умер, и вернется к родителям в деревушку в Провансе.

Так Николя оказался в Сен-Карно на относительно безопасной работе. Но в то утро он опять почувствовал то же самое, что и много лет назад. Что-то должно было произойти. Весь день он сам внимательно прослушивал все сообщения полицейской волны, и чутье его не обмануло. Волна адреналина прокатилась по телу, когда сообщили о вызове.

Спустя несколько минут он уже стоял в крошечной ванной комнате, с любопытством глядя на молодую женщину.

Hysterical Woman – «Истеричная женщина», – прочитал Николя надпись на футболке. Прекрасное начало. Кто она? Психопатка, зарезавшая соседку? Любовница, заколовшая законную жену из ревности? Или жена, убившая любовницу? Нет, пожалуй, ни один из этих вариантов.

– Мадам, пройдите, пожалуйста, в соседнюю комнату и постарайтесь прийти в себя, скоро сержант Дюбуа освободится и задаст вам вопросы, – сказал он.

– Мадемуазель, – машинально поправила его Ирэн.

Глава 8

Ирэн стояла у окна и смотрела на набережную. Солнце уже село, и вода из лазурно-голубой превратилась в темно-синюю. Всюду зажигались огни, и вдоль моря гуляли толпы людей: мамы с колясками, молодые люди, девушки с собаками и особенно много пенсионеров.

Ирэн никак не могла поверить в то, что происходило. Идиотские мысли крутились и крутились по кругу. В голове постоянно стучало: «Катрин убили».

Наконец к ней подошли.

– Капитан Национальной жандармерии Николя Фонтен. Расскажите все, что здесь произошло.

– Что здесь произошло, я не знаю. Я могу рассказать только то, что увидела, когда пришла сюда.

– Пожалуйста, начинайте.

– Я пришла к подруге, и на меня напали. Потом этот человек убежал, а я прошла в ванную и увидела ее. Попыталась вытащить ее из ванны, но потом увидела что... что уже поздно, и опустила ее обратно.

– Вы разве не знаете, что нельзя ничего трогать на месте преступления?

– Я не знала, что это место преступления. Я увидела свою подругу в ванне крови и, конечно, как любой нормальный человек, захотела помочь.

– Вы видели, кто на вас напал?

– Нет.

– Вообще никого? Хотя бы боковым зрением.

– Нет, не видела.

- Может, и не было никого?

- Думаете, я сама себя ударила?

- А зачем бы вам понадобилось это делать?

Ирэн посмотрела на жандарма, и до нее дошел смысл его слов.

- Вы думаете, это я? - ошарашенно спросила она.

- В каких отношениях вы состояли с убитой?

- Она была моей подругой, я знала ее с детства.

- Где она родилась?

- Мы обе родились в России.

- А! Русские, - неопределенно сказал Николя. - Чем вы здесь занимаетесь?

- Я работаю риелтором.

- А ваша подруга? Почему в ее комнате собранные чемоданы? - продолжил спрашивать Николя.

- Она собиралась переехать в Париж. Получила работу в какой-то крупной картинной галерее и через несколько дней уже должна была улететь.

- Чемоданы собраны так, как будто она собиралась улететь прямо сейчас, разве нет?

- Нет, я бы знала.

- Похоже, ваша подруга вела себя слегка легкомысленно, да? Романтическая обстановка, свечи, белье, которое на ней. Вы знаете, с кем она встречалась этим

вечером? – спросил капитан, но получил отрицательный ответ.

Николя Фонтен задал Ирэн еще несколько вопросов, а затем снова попросил ее подождать, прежде чем снимут отпечатки пальцев и закончат все формальности.

«О боже! – внезапно подумала Ирэн. – Мои деньги! Как я теперь внесу оплату за дом? – Она ужасно разозлилась на подругу. – Катрин, ты впуталась черт знает во что и еще и меня подставила! Корова в колхозе работала больше всех, но председателем так и не стала», – некстати вспомнилась ей шутка из детства, и она разозлилась еще больше. Но уже через мгновение ей стало стыдно: ее подруга бездыханная лежит на холодной плитке, а она думает о деньгах.

«Катрин, сестренка, прости меня», – проговорила она про себя. Но мысль о деньгах все-таки не отступала. Она лишается не просто денег – она лишается дома и научной карьеры. Ведь даже если она и получит работу ассистента профессора, на свой дом точно никогда не заработает. А значит, придется снова работать риелтором и копить деньги заново.

Вдруг Ирэн вспомнила про договор: «Стоп, там же будут огромные проценты! Я ведь уже подписала бумаги, мне придется выплачивать огромную неустойку. Черт, я буду по уши в долгах! О! Ну и, конечно, шансов на личную жизнь у меня тоже не остается. Дворняжка без кола и двора, по уши в долгах, никому не нужна. Прощай, профессор Ансельм».

Все эти мысли проносились у нее в голове с бешеной скоростью. Она в одночасье осталась без лучшей подруги, без денег, без дома, без надежды на любовь, да еще и с долгами. Какая ирония: единственный человек, которому она могла бы рассказать, лежал сейчас в ванной! Интересно, что бы сказала Катрин? «Она бы велела не хмурить лоб, потому что это ведет к ботоксу, и верить в лучшее, потому что жизнь очень изобильна, – подумала Ирэн. – Ну уж нет! К черту эти советы! Они, может, и работают, если ты родился с серебряной ложкой во рту, но это не мой случай. Надо сказать жандармам про деньги. Я добропорядочный член общества, ничего плохого не сделала, и если честно все рассказать, то они помогут мне. Главный вопрос – она забрала деньги из банка или еще нет? Если они еще в банке – то для меня все пропало. А если она их забрала, то где они?»

К счастью, квартира Катрин была маленькая, и Ирэн слышала каждое слово. Пока никто из жандармов ни слова не сказал о том, что нашел деньги. Но они еще не закончили осмотр. «В первую очередь нужно поискать в мишке», – подумала Ирэн. У Катрин был игрушечный медведь с секретной молнией на животе под кофтой. Когда-то давно в университете она прятала там сигареты и деньги.

– Мадам Дюпри... Мадемуазель, – сам себя поправил Николя, – вы можете сдать отпечатки и отправляться домой. Завтра мы вызовем вас в участок.

– Я хотела еще кое-что сказать. Дело в том, что я одолжила ей деньги. Они наверняка где-то здесь, поэтому я бы очень хотела забрать их. Я должна вносить основную сумму по договору за дом, поэтому...

– Сколько денег и когда именно вы ей одолжили?

Ирэн ответила на вопросы, но что-то во взгляде капитана ей не понравилось.

– Вы мне не верите?

– Верю ли я, что одна подруга может другой одолжить огромную сумму денег, а потом оглушенная, с кровоподтеками, стоять над ее трупом в ванне?

– Ну знаете, я могла вам и не говорить. Просто подумала, что если деньги в квартире и я сразу скажу вам, что они мои...

– То мы сразу вернем их вам? – закончил за нее капитан Николя Фонтен.

Ирэн внезапно ощутила всю глупость своего положения. Не надо было им говорить. Большой долг тянет на крепкий мотив, и кажется, этот напыщенный придурок ее уже подозревает.

– Ну что ж, если мы найдем деньги, то уведомим вас. А пока вы можете расписаться здесь и быть свободны до завтра. Прошу вас не покидать город и явиться завтра в участок для дачи более детальных показаний.

«Ни за что я отсюда не уйду, пока не увижу, что вы здесь найдете!» – подумала Ирэн, и сказала:

– Да, хорошо.

И вдруг сползла по стулу на пол, закатив глаза.

– Мадемуазель, вам плохо? Мадемуазель!

Следующий час Ирэн убедительно изображала обессиленную, истощенную женщину. Играть особенно не приходилось, поскольку она действительно очень устала, а оглушение после удара все еще давало о себе знать. И только когда жандармы закончили осмотр квартиры, она осторожно встала со стула и пообещала прийти завтра в участок.

«Очень интересно, – подумал Николя Фонтен, глядя на Ирэн. – Это очень интересно».

Глава 9

Анна не торопилась домой. Сегодня произошло нечто необычное, и она хотела спокойно все обдумать. Поэтому, вместо того чтобы поехать домой на автобусе, она решила пройтись.

«На ловца и зверь бежит, – думала она. – Когда находишься в таком месте, как это, все, что нужно, – лишь внимательно смотреть по сторонам и слушать. И если есть хоть немного мозгов, то можно увидеть все возможности. Правда, для этого нужно иметь смелость ухватиться за эти возможности и не струсить в последний момент.

Анна размышляла о том, как поступить дальше. С одной стороны, ей невероятно повезло, с другой – теперь надо быть очень осторожной. А кроме того, чтобы все не обернулось крахом, нужно ничем себя не выдать.

Наконец она дошла до дома. В минуты сомнений она всегда звонила родным. Голоса сыновей успокаивали ее больше всего. Все тяготы этого мира обретали смысл. Ради любимых мальчиков можно было справиться со всем, лишь бы им было хорошо. С тех пор как она уехала, прошло уже восемь лет, и все это время близнецов воспитывал ее отец.

- Ма, привет!

Она увидела родное лицо на экране телефона.

- Владуц, что с тобой? - ахнула Анна. - Ты опять подрался?

- Ма, все нормально, с пацанами из соседнего района не разошлись, - ответил сын. - Все нормально, ма, не начинай только.

- А где Драгош? Как у вас дела? Почему не пишете мне? - тараторила Анна, не давая толком ответить.

- Ма, да все нормально. Драгош скоро придет, он гуляет с пацанами. А может, и с девчонками, - хихикнув, добавил сын.

- С девочками? - удивилась Анна. - Вам еще рано ходить по девочкам.

- Ма, нам шестнадцать.

- Уже шестнадцать, - задумчиво произнесла Анна. - Ладно, ну а заниматься вы успеваете? Вы должны поступить в институт, помнишь? Просто обязаны.

- Да, мам, да. Я как раз собираюсь сейчас на занятия. Подожду Драгоша, и мы пойдем вместе. Сегодня у нас обществознание. А завтра английский. Не переживай, мам.

- Ладно. Не буду, - пообещала Анна. - Но вы уж там ведите себя хорошо, пожалуйста. Я так хочу гордиться моими мальчиками.

- Да, мам.

– Я вас люблю и очень скучаю.

– И мы тебя, ма, – ответил сын.

Анна положила трубку и отправилась на кухню. Готовить полноценные блюда, когда живешь одна, совсем не хочется, поэтому она привыкла обходиться наспех приготовленными перекусами. Достав из холодильника кусочек красной соленой форели, она запихнула его в круассан. Туда же положила слайс из сыра и начала жевать, погруженная в свои мысли. Квартира Анны напоминала жуткую халупу. Вещи валялись в беспорядке, чистоты не было и в помине. Занимаясь уборкой на работе, собственное жилище она убирала, только когда накапливалась критическая масса пыли. Единственным местом, где Анна поддерживала порядок, был угол, в котором лежали «на передержке» вещи, которые она стащила у своих хозяек. Как раз сегодня пришло время одной маленькой сумочки: за три месяца хозяйка ни разу не вспомнила о ней.

Анна открыла нужный сайт на телефоне и загрузила фото и описание. Вещи можно продавать и отправлять по всей Европе, что было очень удобно и, опять же, уменьшало риск попасться на воровстве. Всего через четверть часа выставленная сумочка уже была оплачена покупателем из Барселоны.

«Завтра отправлю», – подумала Анна, лениво зевая, и прошла к шкафчику с медикаментами. Достала и надела медицинскую шапочку, спрятав все волосы. Затем надела перчатки и в самом конце – большие очки. Так даже крошечная ресничка, если и упадет, то никуда не денется. Затем взяла чистый лист бумаги из середины пачки, достала трафарет и медленно, аккуратно выписывая каждую букву, начала составлять послание:

Я знаю, что вы были в квартире Катрин Нуар. Я могу рассказать или не рассказать об этом полиции. 50 000 евро наличными – плата за мое молчание. За 100 000 евро я помогу отвести от вас подозрение. Завтра в 19:00 в кафе напротив дома Катрин. И учтите: если со мной что-то случится, пакет с доказательствами сразу попадет в полицию.

«Прекрасно, – подумала она. – Надо только придумать, как его доставить. И раз уж я все равно достала все необходимое, напишу-ка я еще одно письмецо – уже пора подоить и эту козочку».

И Анна принялась аккуратно, так же строго по трафарету, писать следующее письмо.

Глава 10

Марат Каплан сидел в мягком кресле на корме и смотрел на воду. Ночь отдавала свои права, и узкая полоска рассеянного света начала освещать горизонт над морем. Ему не спалось, потому что в этот вечер все пошло не по плану. К этой минуте он должен был получить то, за что приготовился отдать кучу денег, и уже отплыть на своей яхте в Портофино. Но теперь ему грозили неприятности. Обычно, сталкиваясь со сложной проблемой или задачей, которую предстояло решить, Марат выходил в море, садился за штурвал на верхней палубе и брал управление своей шикарной сорокаметровой лодкой на себя. Именно там, наверху на скорости двадцать четыре узла в час, вместе с сильнейшими ветрами улетали тревоги и проблемы. Когда он вел лодку по волнам навстречу соленому ветру и брызгам, в его голове наступала ясность, и приходило решение. Однако сегодня даже трехчасовая морская прогулка не спасла его от дурного предчувствия. Отдав управление яхтой своему капитану, он спустился на корму, вытащил из телефона сим-карту, разломил ее на две части и выбросил и телефон, и остатки симки в море. А затем сел в любимое кресло и стал смотреть на воду, обдумывая новые вводные.

В квартире Катрин полиция наверняка все перевернула вверх дном. Надо как-то узнать, что именно им удалось найти, знают ли они что-то о нем, и если да, то что именно. Скорее всего, они увидят их переписку. Но там как раз ничего экстремального они не найдут. Вопрос только в том, насколько аккуратно Катрин вела переписку с другими людьми и насколько была болтлива.

– Любимый, ты почему не спишь? – спросила Марата красивая женщина. – Ты весь вечер о чем-то думаешь. Проблемы в Лондоне? Нам придется вернуться домой?

– Нет-нет, детка. Все хорошо. Иди ложись, я скоро приду.

– Хочешь, я посижу вместе с тобой? – продолжила она.

Наоми плохо засыпала последние несколько дней, и тому была веская причина. Она чувствовала, что любовь и внимание ее Марата больше не принадлежат ей. Не было еще никаких сцен, ранящих слов или других подтверждающих фактов. Но ощущение, что он ускользает от нее, уже закралось в душу. Он уже не так смотрел на нее, как раньше. Уже не так жаждал проводить с ней время, как это было раньше. Она была инициатором всех разговоров, всех совместных прогулок и даже постельных нежностей. Казалось, если она проявит инициативу, то Марат отзовется. Если же она ничего не предпримет, то он и не заметит, что ее нет рядом. Липкий страх от того, что ее счастье вот-вот закончится и наступит боль одиночества, лишал ее сна и былой легкости. Кроме того, Марат был богат и любил хорошую жизнь. И от этого отпускать его и вовсе не хотелось. Жизнь с ним была легка и красива.

– Нет-нет, иди спать, – ласково сказал он, отчего в горле у Наоми появился комок.

«Я должна забеременеть, – подумала она. – Я ни за что не отпущу его, я умру без него. Единственный способ добавить новый виток в наши отношения – это забеременеть. Он сделает мне предложение, мы поженимся, и все снова наладится».

– Хорошо, любимый, – ответила она и отправилась в каюту.

В большой роскошной каюте Наоми подошла к тумбочке из красного дерева, достала пачку с презервативами и очень аккуратно, через боковой шов на упаковке, длинной тонкой иглой начала проделывать сквозные отверстия. Поработав таким образом над всеми пачками, она подошла к своей сумочке, достала оттуда упаковку с противозачаточными таблетками и уже собралась ее выбросить. Однако, подумав, решила, что будет намного правильнее пить таблетки при Марате, чтобы он видел, что она продолжает их принимать, а затем тихонько выплевывать их. В этом случае, когда забеременеет, она сможет сказать, что если ребенок прорвался через такую двойную защиту, то это только потому, что сами небеса захотели, чтобы он родился. А уж Наоми сделает все, чтобы сохранить его.

«Пора заканчивать с ней, – в этот момент думал Марат. – Хорошая девчонка, но уже перешла черту».

Он всегда чувствовал наступление той стадии в отношениях, когда женщина готовится накинуть на него аркан. Вместо легкой и недоступной красавицы они все становятся напряженно-ревнивыми бабами. Каждая пытается застолбить свое место под солнцем и затащить его под венец. Они становятся предсказуемыми и навязчивыми. А некоторые – еще и жадными. Как будто чувствуют скорый конец отношений и пытаются дотянуться своими потными ручонками до всего, до чего успеют. Вместо красивой азартной игры, которая была вначале, вместо того чтобы манить и увлекать, они становятся серьезными, обидчивыми и ревнивыми. И, конечно, каждая уже считает своей собственностью его самого, а заодно все, что он имеет и чем владеет в Лондоне и Портофино.

«Хоть бы раз мне попалась девчонка, мысли которой не написаны у нее на лбу. Я бы женился на ней в первый же вечер», – подумал он. Впрочем, перед ним теперь стояла проблема посерьезнее, чем назойливая девица.

«Надо узнать, что известно полиции», – сказал Марат сам себе.

Глава 11

Пабло смотрел на экран звонящего телефона. Говорить сейчас было не очень удобно, но пропускать этот звонок он совсем не хотел.

– Ирэна, ты плачешь? – спросил он, вслушиваясь в телефон.

– Пабло! Это ужасно! Все просто ужасно! Я не знаю, как тебе сказать. – Ирэн села на камни у самого берега моря. – Пабло, Катрин убили! – наконец смогла она сказать.

– Нашу Катрин? Катю? – переспросил Пабло. – Вы находитесь в самом безопасном месте мира, как ее могли убить?

– Я не знаю, я пришла к ней, а она... там... лежит.

Ирэн еще долго не могла собраться с мыслями. Все напряжение и хаос прошедшего дня обрушились на нее с новой силой, и она то начинала дрожать, словно от холода, то говорить не умолкая. Наконец она смогла рассказать все, что произошло, в деталях.

Пабло был их с Катрин общим институтским другом. В самом конце учебы он пробовал ухаживать за Ирэн, тогда еще Ирэнной, но получил вежливый отказ. Она сказала, что ни за что не будет даже пробовать стать его подружкой из-за его родителей. «Они меня невзлюбят только в силу моего происхождения, и ничего хорошего не получится, поверь. Я должна сама чего-то добиться в жизни». Больше они к этой теме никогда не возвращались и продолжили дружить втроем: Ира, Катя и Паша, которого еще с института называли не иначе, как Пабло.

– Я не знаю, что делать. Я бы хотела сейчас обнять кого-то родного, но у меня никого нет. Я бы очень хотела обнять тебя, но ты болтаешься черт знает где. Кстати, где ты?

– В Москве. Где мне еще быть? Разгребаю рабочие вопросы.

– Может, ты мог бы прилететь на несколько дней?

– Ирэна, мне сейчас не вырваться. Я попробую через пару недель, хорошо?

Пабло всегда называл ее только родным именем. Ее новое имя на французский манер он категорически не принимал, и, хотя из имени исчезла всего одна буква, Пабло считал это девчачьей придурью. К имени Катрин он так не придирался, поскольку придурь была частью ее жизни.

– Хорошо. – Ирэн замолчала и снова продолжила: – Слушай, кроме убийства есть кое-что еще. Катрин взяла у меня в долг деньги. Те самые, которые я копила на покупку дома.

– Что, сразу все? Зачем ей так много?

– Ей нужно было для новой работы. Она должна была мне их отдать, но не отдала. Не успела. Это огромные деньги для меня. Я потеряла все за один вечер.

- Это так похоже на нее: подставить тебя по глупости. А в квартире их точно нет? Полиция все осмотрела?

- Каждый уголок, кроме мишки. Ну помнишь, мишка с молнией на брюхе?

- Да ладно! Он до сих пор у нее? - рассмеялся Пабло, но потом опять стал серьезным. - И что ты думаешь делать?

- Не знаю. Самое ужасное, что я уже подписала договор с банком. Не надо было замахиваться на такой большой дом. Надо было купить небольшую студию, насколько хватало денег. Какая же я дура!

- Не плачь, пожалуйста. Я не могу слышать, как ты плачешь. И не сдавайся! Деньги надо попытаться найти. Вы же были лучшими подругами последние лет сто! Если кто-то и может догадаться, куда она их дела, то только ты. А я всегда тебе помогу.

Помочь Пабло действительно мог. Получив престижное образование в МГУ, он не пошел работать по специальности, а стал кем-то вроде айтишника. Его даже позвала к себе работать крупная американская компания, однако очень скоро его отец умер, и Пабло пришлось вернуться на родину, чтобы поддержать мать. Он стал работать на себя, но это было лишь начало. Скоро он освоил новую профессию, более прибыльную, и очень в ней преуспел. Несколько раз он даже подозревался в причастности к киберинцидентам, но ни разу не был официально осужден. В мире хак-групп он стал известен, его уважали за острый ум и дерзкие преступления. Из последних громких дел, которые наверняка совершил он, были скрапинг данных более ста миллионов пользователей известной соцсети и продажа этой информации на подпольных маркетплейсах даркнета. Но доказать ничего не удалось.

- А что вообще говорит полиция? Как это произошло?

- В ванне. Ножом. И я думаю, я знаю, кто ее убил. У нее на плече был вырезанный крест. Как у тех девушек, несколько лет назад, помнишь?

- Да уж, помню. Год про этого маньяка во всех новостных пабликах и соцсетях писали.

Ирэн договорила по телефону, вытерла слезы и медленно пошла по берегу моря, громко шурша галькой. Воспоминания из прошлой жизни нахлынули на нее сами собой.

Глава 12

Когда она впервые попала в Сен-Карно, ей было удивительно все: постоянное солнце, улыбающиеся приветливые люди, простая, но вкусная еда. Ей казалось, что если рай все же существует, то несомненно выглядит именно так. Особенно ей казалось так на контрасте с ее родным городом. Не городом – поселком городского типа.

Никогда Ирэн не забудет тот день много лет назад, когда она бесхитростно и прямо спросила соседку, где та находит силы жить, ведь муж у той постоянно пьет. Отец тоже пьет. Часто они пьют вместе, а соседка тянет на себе трех детей, беременна четвертым и еще занимается хозяйством. Доит корову, кормит свиней, высаживает и пропалывает огород, всем готовит и еще регулярно попадает под пьяную руку то мужа, то отца. В свои тридцать с небольшим она почти без зубов и выглядит побитой жизнью старухой.

– А твой отец, что ли, не пьет? Вас с матерью вообще выгнали из дома, живете в пристройке, как мои свиньи. Вот погоди, выскочишь замуж – будут и у тебя заботы. Думаешь, ты-то по-другому будешь жить? Встретишь Хуана Антонио и попадешь в сказку? Нет, принцесса. У меня свиньи и корова есть, а вот будет ли у тебя такое хозяйство – еще вопрос. Может, и сама запьешь с горя.

Ирэн как громом поразило. Впрочем, тогда она еще была не Ирэн – Ирэнной Дубровой, умненькой пятнадцатилетней девчонкой. Она, конечно, понимала, что так она никогда жить не будет. Но первый раз в жизни задумалась: а какой у нее план? Что ей нужно сделать, чтобы прожить другую жизнь? Потому что, если она ничего не предпримет, то именно это ее и ждет. Слова соседки, хоть и были наполнены ядом и злобой, но попали в самую точку.

Из книг и опыта знакомых она знала только о трех путях получить деньги и жить нормально: или стать проституткой, или выйти замуж, или получить образование и чего-то добиться самой. Пункт первый она вычеркнула без

раздумий. Уж лучше свиньи и пьющий муж. Пункт второй был более заманчивым, но не казался надежным. Мужчины пьют, бьют и изменяют. И в итоге можно все равно остаться у разбитого корыта, только еще и с тремя детьми. Кроме того, чтобы выйти замуж, неплохо было бы иметь красивую внешность, чем Ирэн похвастаться не могла. Нет уж, единственный вариант, хоть более долгий, зато и более надежный – это самой чего-то добиться. Получить образование, надежную профессию, купить дом и только потом, чтобы никто не выгнал на улицу или в пристройку, попробовать выйти замуж.

С тех пор прошло тринадцать лет. Сила воли и усердие позволили ей сначала поступить в Университет, а затем, на последнем курсе, даже попасть в программу по обмену студентами в Университет Сен-Карно, где она изучала феномен гипноза. Ирэн с головой ушла в эту тему, написала несколько научных статей и отлично себя зарекомендовала. Однако время шло, два семестра пролетели незаметно, и вскоре ей пришлось вернуться. Но только лишь для того, чтобы получить диплом и закончить все дела в России. Она поменяла имя на Ирэн, а фамилию Дуброва – на Дюпри. И вернулась в Сен-Карно, чтобы начать новую жизнь в новом месте.

«Почему все рушится именно сейчас, когда я так близко подошла к своей цели? – думала Ирэн. – Если бы меня взяли на работу в университет, я бы изучала гипноз, писала научные статьи и выступала на конференциях по всему миру! Меня точно взяли бы в книжный клуб. А как было бы чудесно однажды пригласить туда Ансельма! Такой девушкой он бы гордился». Сердце Ирэн забилось чаще от этих мыслей.

Профессор Ансельм – молодой, красивый и уже знаменитый на весь мир – преподавал в том же университете, куда она так хотела попасть. Они познакомились год назад, и у них даже было что-то вроде свидания, но Ирэн взяла паузу, потому что хотела войти в его жизнь, только когда станет ему равной. А теперь все пропало.

Словно в подтверждение своих слов, Ирэн увидела в небольшой нише у бетонной стены нищего. Он лежал на затертых грязных одеялах и спал. Рядом стояли потасканные сальные сумки с пожитками, а в ногах сидела привязанная собака. Такая же грязная, но верная своему хозяину дворняжка.

«Черта с два я сдамся!» – сказала себе Ирэн и пошла домой.

Глава 13

Поднимаясь на второй этаж по красивой мраморной лестнице, Ирэн не могла поверить в то, что сейчас произошло. Ансельм стоял наверху в халате и улыбался ей теплой улыбкой, обнажая свои слегка неровные, но белые зубы. Сердце Ирэн стучало на весь дом – ведь она наконец оказалась там, где давно хотела быть.

– Прости, что разбудила тебя. Мне нужно было с кем-то поделиться, – начала Ирэн, когда поднялась к нему, но Ансельм перебил ее нежным поцелуем.

– Поделишься потом, – ответил он ей спустя мгновение, продолжая ее целовать. – Ты должна была позвонить раньше. Я ждал звонка целый год. Зачем ты меня так мучила?

– Я и сама мучилась. Больше всего на свете я хотела быть здесь, с тобой.

– Ах ты, глупенькая! – сказал Ансельм, привлекая ее к себе.

Через пару минут она уже лежала в постели и позволяла себя целовать тому, кого любила больше всех на свете. Что за странная, дикая ночь! Как могло два таких разных события произойти сразу? Ирэн не хотелось об этом думать, она хотела только лишь чувствовать. Чувствовать прикосновения и запах любимого, чувствовать нежность его поцелуев и нарастающую страсть. Она так соскучилась по любви, нежности и заботе, что впервые за долгое время почувствовала себя снова живой. Долгие годы одиночества наконец отступили и подарили возможность радоваться таким простым вещам – прикосновениям и поцелуям. Сердце билось от восторга и обещания счастья.

– Ансельм, кто-то стучит в дверь, – вдруг сказала Ирэн.

– Нет, моя красавица, здесь никого нет.

Но стук продолжался. Он был похож на мелкую дробь от капель дождя, только внутри дома.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kole_ol-ga/ubiystvo-v-buhte-angelov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)